

МАРИНА СТРУКОВА

“ВЕЛИКИМ НАЦИЯМ НЕ ПРОЩАЮТ”

Из переписки с Д. М. Балашовым

Записные книжки с черновыми набросками стихов, старые конверты с аккуратно сложенными письмами из редакций и обращениями читателей я храню почти пару десятилетий. Мой маленький архив. Здесь и ответ Станислава Юрьевича Куняева с советом прислать больше стихов и не увлекаться красивыми словами. И послания от Геннадия Григорьевича Касмынина, ныне покойного, который всегда мог безошибочно выбрать заголовок для моей поэтической подборки в “Нашем современнике”. За строчками этих писем не просто частица нашей литературной дружбы, но и само время, и судьба страны в наших судьбах.

Всегда интересуюсь историей России, я, конечно, читала книги Дмитрия Михайловича Балашова.

В 19 лет, осенью 1994 года я получила письмо из Новгорода от Дмитрия Михайловича, мой адрес он узнал в редакции “Нашего современника”. Сейчас, после его трагической гибели, с новым горьким чувством читаю его строки. Дмитрий Михайлович тепло отозвался о моем творчестве, понимая, как важно для молодого автора получить положительную оценку от известного писателя. Он скромно спросил, читала ли я его книги, и одну из них прислал в подарок.

Я ответила: “Здравствуйте, глубокоуважаемый Дмитрий Михайлович, большое спасибо Вам за книгу и добрые слова. Показалось счастливым совпадением то, что написал мне один из самых уважаемых мною современных писателей. Я люблю исторические книги и, конечно, не могла не заметить среди них Ваших произведений. У меня есть подшивка “Роман-газеты”, и я знакома, наверное, почти со всеми вашими романами. Мне очень понравился Ваш “Симеон Гордый”!.. Но наиболее захватывающим кажется его продолжение – “Ветер времени”. Он привлек меня сочетанием приключенческого и философского. И особенно полюбился один из его героев – Никита – своей бесшабашностью и готовностью пойти на любое безрассудство за то, что ему дорого...”.

Из письма Балашова: “Письмо Ваше таскаю с собой и перечитываю. Обрадован и тем, что Вы оказались моей читательницей... Нам, видимо, надо встретиться и поговорить о многом. Возможно, Вам это будет не менее полезно, чем мне. Могу и Вас пригласить в Новгород. Поговорили бы и о “Памяти” и о многом прочем... Вам надо изучать, именно изучать труды Л. Н. Гумилева”.

Тогда я была под впечатлением деятельности “Памяти”, потом РНЕ, удивляюсь, как в семье, где до сих пор утверждают, что “Путин дал нам стабильность”, я пришла к русским националистическим взглядам. Ночью в глухом селе я включила радио и услышала, как “ведущие лихорадочно комментируют штурм Останкино. Был октябрь 93-го. Сначала я приняла репортаж за телеспектакль, но когда осознала смысл происходящего, была потрясена и сожалею, что не нахожусь в Москве. В тот день я не знала, что в “Белом доме” гибнут и мои будущие соратники – баркашевцы, что это была именно попытка объединенного национально-патриотического сопротивления.

Из письма Д. Балашова: “Здравствуй, Марина! Русских людей убивают постоянно и безнаказанно. Из “шумных” (но безнаказанных) убийств последнее – Игоря Талькова. Борьтсья с этим необходимо, иметь свою организацию надобно, суровую, дисциплинированную, подчиненную единой цели – очищение нашей страны, иначе мы погибнем. Другой вопрос – дозрело ли общество до принятия такой формы борьбы, то есть будет ли оно, хотя и пассивно, на стороне мстителей? Наконец, если такая организация появится, стараниями Сиона против нее будет направлена вся мощь официальной системы (органы, милиция, ОМОН), которая, в этом случае, ворон ловить не будет. И, наконец, всякой организации нужна хоть какая-то “крыша” в органах власти”.

Дмитрий Михайлович Балашов считал, что русским необходима надежная организация. Он возлагал надежды и на казаков, считая, что без этого славного воинского сословия не удержать южных границ Империи.

Позже я наблюдала возрождение казачества в родных краях. Атаман Северо-Хоперского округа Всевеликого войска Донского Владимир Михайлович Репин – редактор одной из районных газет Тамбовщины, стал печатать в своей газете статьи по истории России и казачества, призывать вступать людей в организацию. Патриотическое движение в провинции было абсолютно на нуле. Но вот я узнаю, что в организацию стала вступать молодежь. Парни, которые раньше знали лишь поездки на дискотеки и пиво, изменились. Как к лицу им камуфляж или черная форма! Заметно, что они по-другому чувствуют себя, возвысившись душой до служения Родине, народу, вдруг стали расспрашивать своих родителей о том, не было ли у них в роду казаков, а в сундуках отыскивались старинные регалии, бережно спрятанные прадедовские погоны, медали. И стали поистине семейными реликвиями полуистлевшие фотографии, где предки в форме Войска Донского. У ребят в жизни появилось что-то Великое. Но атамана не понимают многие обыватели: “Зачем нам это? Что за блажь – возрождение казачества? Если бы вам за это платили... В наших краях и станиц-то было три-четыре...”. Многим не понять, что если бы жив был дух казачества в этом краю, не зарастали бы пашни бурьяном, не скупали бы их за гроши заезжие чужаки с Кавказа. Поэтому население юга России снова надо оказачивать, необходима воинская каста, миссия которой – из рода в род оберегать Родину.

Из письма Балашова: “...любые реформы возможны лишь при организованной национальной силе, способной проявить себя... Люди, которые, сидя тут, оплевывают Россию, должны уехать за рубеж”.

... На мой взгляд, в произведениях Балашова главную роль играет философский анализ такого явления, как русская власть. Ее миссия, вековые достоинства и недостатки, проистекающие именно из русского характера ее носителей – князей и государей. Бог, властитель и народ – их взаимосвязанность на земле Руси всегда явлена на страницах балашовских книг. Православная вера, как испытующее начало. Бремя власти... Власть на Руси как тяжкий груз, сужденный свыше, передаваемый по наследству. Власть в Орде как источник богатства, славы, русские князья и ордынские ханы. Государственные интриги. Унижение и грызня из-за ярлыков. Глубокое раскаяние и самоотверженность. Но едва ли меньшее место, чем власть мирская, занимает в романах Балашова духовная власть. Святые подвижники или суровые пастыри, смиренные перед Богом, не отступающие перед земными владыками, отстаивающие интересы Отечества в Орде. Когда мы размышляем сегодня о русской власти, романы Балашова могут показать ее воочию, в лицах. Лики русской власти: благородная и суровая Марфа Посадница Новгородской республике. Трагическая фигура Симеона Гордого...

Русь в огне ордынских набегов и междоусобиц духовно окормляли достойные и самоотверженные пастыри. В своих романах Дмитрий Михайлович

вновь и вновь представляет идеалы власти духовной в лицах митрополита Алексия, Зосимы Соловецкого, Сергия Радонежского, в борении с житейскими трудностями и врагом невидимым оберегающих свою паству. Почему сегодня многие национально мыслящие люди обращаются к язычеству? В ряде случаев и потому, что официальная церковь занимает соглашательскую позицию по отношению к политике, разрушительной для нации.

В 1994 году я преподавала рисование и немецкий язык в сельской школе. Наверное, мои читатели удивятся, узнав, что одновременно я учила церковно-славянскому языку в воскресной школе. Мне нравилась ожившая древнерусская речь персонажей Балашова. Рассказывают, что Дмитрий Михайлович часами мог говорить на старославянском языке, жаль, что я его не услышала.

Из писем Д. Балашова: “Что касается моих романов, то они, кроме новгородских” (“Господина Новгорода” и “Марфы”), представляют, по сути, единое сочинение, ибо те же герои переходят из книги в книгу, а всё вместе называется “Государя московские”: (“Младший сын”, “Великий стол”, “Бремя власти”, “Симеон”, “Ветер времени”, “Отречение”. Заключительную книгу, “Святую Русь”, я пишу сейчас и издаю частями”.

“Где нам найти своего Наполеона? Жуков, имевший силы и возможность отвоевать страну, совершить “революцию наоборот”, ничего не понимал в политике... Его и съели!”

“В сельской школе, где до весны учился мой сын, он один и был патриотом, один из всех учащихся! И в Москве не лучше, чем в провинции. Но вы то появились-таки! И сколько еще вспомнят, наконец, своих прадедов?”

Дмитрия Михайловича радовало то, что он видит представителя нового поколения, который готов служить Родине.

“Лев Николаевич Гумилев, мой учитель, умирал с тяжким чувством.

— Быть может, — говорил он, — нация, минув “золотую осень”, уже перешла в обскурацию, тогда конец.

Конец, добавлю, и России и русским, ибо остаться огрызком земли в пределах 15-го столетия нам не позволит никто. Все исторические наблюдения убеждают меня в том, что великим нациям не прощают их прежнего величия. Мы не Эстония, не мордва, нас попросту уничтожат. Писал статьи на геополитические темы: — почему страну нельзя делить, и почему мы не имеем права терять наши выходы к морям — как об стену горох!.. Одолевает ощущение бессмысленности любых призывов... Мне представляется, что Ваши стихи “Спите, трусы!” родились после какого-то застольного спора, когда Вам бросили презрительно: мол, сколько вас, мыслящих о благе Отечества? Человека три на всю страну, не более!”

Из писем Д. Балашова: “... Наши враги по-прежнему рассчитывают игру на два хода вперед — монаршее семейство подготовили из своих! И церковь разлагают изнутри. И ни у кого из патриотов нет программы действий, программы нового устройства страны!”

“Я и сам когда-то учился живописи, сам когда-то преподавал в деревне, и сейчас, перечитывая Ваши гордые строки, думаю с надеждой: неужели жизнь прошла не напрасно?! Неужели после торгашеского поколения, поколения рэкетиров, лавочников, готовых за гроши родину продать, и всесветных проститутток идет, пришло уже новое поколение, — героев и героинь, матерей, пахарей и воинов, грядущих спасти Россию? Тогда не напрасно все — и труд, и долгое мучительное наше прозрение, и книги, не нужные больше никому в мире, кроме русичей, не забывших отчизны своей! Дай Бог, чтобы поколение внуков пошло за такими, как вы, и чтобы вы сами не оказались в одиночестве, не поддались отчаянию...”

Если Дмитрия Балашова радовало то, что часть молодого поколения все же прониклась идеями национал-патриотизма, то и я сегодня стала задумываться: нахожу ли отклик у нового поколения русских читателей, так как их мнение имеет для меня решающее значение.

Как-то я получила письмо от скинхеда: “Я хочу поблагодарить Вас за Ваше творчество от имени своего друга Паши Рязанцева, который недавно погиб в уличном бою с кавказскими оккупантами. Он очень любил Ваши стихи!”

Я горжусь такими читателями. Пусть большая часть молодежи болтается по клубам и пьянкам, кого-то арестовывают с героином в кармане, кто-то падает в секьюрити к власти имущим, но кто-то приходит в националистическую организацию, рискует свободой, даже жизнью в борьбе за Россию.

И пусть в их плеерах диски с готическим роком, и верят они в Перуна, а не в Христа, старшее поколение патриотов должно принимать молодых соратников такими, какие они есть, — дело у нас общее. Через все письма Дмитрия Балашова проходила главная мысль — русским необходимо мощное, объединяющее всех нас национальное движение, и он своим творчеством служил его созданию.

Я горжусь перепиской с Дмитрием Михайловичем, сходством наших взглядов. *“Меня в Вас поражает, при Вашей молодости, абсолютная зрелость мысли и твердость национальной позиции. Мыслию так же и, увы, не вижу другого пути спасения России, кроме силового”*.

Скажу честно, неудобно мне цитировать лестные слова известного писателя в мой адрес, но говорят они о том, каким человеком был Дмитрий Михайлович. Понимал, как много значило его одобрение для начинающего автора, стремился поддержать на выбранном пути. И несмотря на то, что меняются мои политические взгляды, я сохраняю добрую память о тех, кто заметил мое творчество в период становления.

У великих людей не бывает случайных смертей...